

Детектив о Флавии де Люс
Посвящается Джону и Джанет Харланд

...кружка эля без девицы — что ж, увы, это все равно что
яйцо без соли или копченая селедка без горчицы.

*Томас Лодж и Роберт Грин,
«Зеркало для Лондона и Англии» (1592 г.)*

1

глава

•

Ты меня пугаешь, — сказала цыганка. — Никогда не видела, чтобы мой хрустальный шар наполнялся таким мраком.

Она накрыла шар ладонями, словно чтобы защитить мои глаза от ужасов, плавающих в темных глубинах. Когда ее пальцы стиснули стекло, мне показалось, что по моему пищеводу прокатилась струйка ледяной воды.

На краю стола мерцала тонкая свеча, ее нездоровый свет падал на покачивающиеся медные кольца-серезжки цыганки, отражаясь, чтобы умереть где-то в затемненных углах палатки.

Черные волосы, черные глаза, черное платье, нарумяненные щеки, красный рот и голос, который мог так охрипнуть только после выкуривания полумиллиона сигарет.

Словно чтобы подтвердить мои подозрения, старуху внезапно скрутил приступ жестокого кашля, сотрясшего ее хрупкое тело и заставившего ее ужасно задыхаться в попытках вдохнуть. Казалось, будто в ее легких застряла огромная птица и теперь хлопает крыльями, пытаясь вырваться.

— Вам плохо? — спросила я. — Я схожу за помощью.

Кажется, я видела доктора Дарби на церковном празднике минут десять назад, он ходил от лотка к лотку, чтобы перекинуться с каждым парой слов. Но не успела я дви-

нуться, как смуглая рука накрыла мою на черном бархате скатерти.

— Нет, — сказала она. — Нет... не надо. Это у меня постоянно.

И снова закашлялась.

Я терпеливо ждала, почти боясь шелохнуться.

— Сколько тебе лет? — наконец сказала цыганка. — Десять? Двенадцать?

— Одиннадцать, — ответила я, и она устало кивнула с таким видом, будто и так знала.

— Я вижу... гору, — продолжила она, выдавливая слова, — и лицо... женщины, которой ты станешь.

Несмотря на удушающую жару в темной палатке, моя кровь похолодела. Она видит Харриет, конечно же!

Харриет — моя мать, погибшая из-за несчастного случая в горах, когда я была совсем маленькой.

Цыганка перевернула мою ладонь и больно ткнула большим пальцем в самый центр. Мои пальцы развернулись и снова сжались, словно отрубленная ножка цыпленка.

Она взяла мою левую руку.

— Это рука, с которой ты родилась, — сказала она, едва глянув на ладонь, затем уронила ее и подняла другую руку, — ...а это рука, которая меняется с тобой.

Гадалка с неприязнью смотрела на мою руку в свете мерцающей свечи.

— Вот эта разорванная звезда на холме луны указывает на блестящий ум, обращенный сам в себя, ум, блуждающий по дорогам мрака.

Не то, что я хотела услышать.

— Расскажите мне о женщине, которую вы видели на горе, — попросила я. — О той, кем я стану.

Цыганка снова начала кашлять, кутаясь в шаль, наброшенную на плечи, как будто укрываясь от ветра.

— Посеребри руку, — потребовала она, протягивая грязную ладонь.

— Но я дала вам шиллинг, — возразила я. — Как написано на табличке снаружи.

— Послания из Третьего Круга стоят дороже, — прохрипела она. — Они опустошают батареи моей души.

Я чуть не расхохоталась. Кем себя возомнила эта старая ведьма? Однако она, кажется, заметила Харриет за вуалью, и я не могу позволить скептицизму взять верх над возможностью перемолвиться хоть словечком с моей покойной матерью.

Я покопалась в поисках последнего шиллинга, и, когда я вдавила монету в ее ладонь, темные глаза цыганки, внезапно заблестевшие, как у галки, уставились в мои.

— Она пытается вернуться домой, — сказала она. — Эта... женщина... пытается вернуться домой из холода. Она хочет, чтобы ты помогла ей.

Я вскочила на ноги, сильно ударившись голыми коленями о столешницу. Стол покачнулся и повалился набок, свеча покатилась и упала на ком мятых грязных занавесок.

Сначала появился маленький огненный язычок. Он мгновенно превратился в пламя. В ту же секунду пламя посинело, затем покраснело и быстро стало оранжевым. Я в ужасе смотрела, как оно распространяется по занавескам.

В считанные секунды запылала вся палатка.

Жаль, что у меня не хватило присутствия духа, чтобы набросить мокрую тряпку на голову цыганке и вывести ее в безопасное место. Вместо этого я бросилась прямо сквозь кольцо огня, в которое превратился вход, и не остановилась, пока не добежала до какой-то палатки, возле которой при- тормозила, задыхаясь и пытаясь совладать с дыханием.

Кто-то принес на церковный двор заведенный граммофон, из которого доносился голос Дэнни Кея*, которому труба граммофона придала тошнотворно металлические нотки:

* Дэнни Кей (1913–1987) — американский актер, певец и комик. (Здесь и далее прим. перев.)

АЛАН БРЭДЛИ

*Oh I've got a lovely bunch of coconuts.
They are a-standin' in a row
Big ones, small ones, some as big as yer 'head...**

Я оглянулась на палатку цыганки как раз в тот момент, когда мистер Гаскинс, церковный сторож Святого Танкреда, и еще один человек, которого я не узнала, опрокинули бочонок с водой на языки пламени.

Чуть ли не половина жителей Бишоп-Лейси глазели на вздымающийся столб черного дыма, прикрывая рты ладонями или прикасаясь кончиками пальцев к щекам, и ни один из них не знал, что делать.

Доктор Дарби уже медленно вел цыганку к палатке госпиталю Святого Джона, ее дряхлый скелет сотрясался от кашля. Какая она маленькая на солнце, подумала я, и какая бледная.

— Ах вот ты где, гнусная маленькая креветка. Мы тебя повсюду искали.

Это Офелия, старшая из моих двух сестер. Фели семнадцать, и она считает себя не ниже Пресвятой Девы Марии, хотя я готова побиться об заклад, что главное отличие между ними заключается в том, что Дева Мария не проводила двадцать три часа в сутки, разглядывая себя в зеркале и обрабатывая физиономию пинцетом.

Когда имеешь дело с Фели, лучше всего быстро парировать резким замечанием:

— Как ты осмеливаешься называть меня креветкой, ты, глупая сосиска? Отец не раз говорил тебе, что это невежливо.

Фели попыталась схватить меня за ухо, но я легко уклонилась. Жизненные обстоятельства научили меня совершать молниеносные движения, и я практически довела это умение до совершенства.

— Где Даффи? — спросила я, надеясь переключить ее злобное внимание.

* О, у меня есть славная куча кокосов.
Они стоят рядом,
Большие, маленькие, некоторые размером с голову...

Даффи — моя вторая сестра, на два года старше меня, в тринадцать лет она уже опытная мучительница.

— Пускает слюни на книги. Где же еще?! — Сестра указала подбородком на подкову из столов, расставленных на траве церковного кладбища, где Алтарная гильдия и Женский институт Святого Танкреда объединили силы, дабы устроить благотворительную распродажу подержанных книг и разнообразного хозяйственного барахла.

Фели, похоже, не обратила внимания на дымящиеся остатки палатки цыганки. Как всегда, из тщеславия она оставила очки дома, хотя ее невнимательность может объясняться просто недостатком интереса. Из практических соображений энтузиазм Фели не простирался дальше ее кожи.

— Посмотри сюда, — сказала она, поднося черные сержки к ушам. Она не могла удержаться, чтобы не похвастаться. — Французский черный янтарь. Из поместья леди Троттер. Гленда говорит, что им повезло выручить за него шестипенсовик.

— Гленда права, — заметила я. — Французский черный янтарь — это просто стекло.

Это правда: я недавно растворила жуткую викторианскую брошь у себя в химической лаборатории и обнаружила, что это сплошной кремний. Вряд ли Фели оставит это просто так.

— Английский янтарь намного интереснее, — продолжила я. — Он состоит из окаменевшей смолы араукарии чилийской, видишь ли, и...

Но Фели уже уходила, привлеченная видом Неда Кроппера, рыжеволосого помощника трактирщика из «Тринадцати селезней», который с определенной мускулистой грацией энергично бросал деревянные палки в «тетю Салли». Его третья палка расколола глиняную трубку деревянной фигуры на две равные части, и Фели оказалась рядом с ним как раз вовремя, чтобы заполучить призового медвежонка, которого ей вручил ужасно краснеющий Нед.

— Есть что-нибудь, стоящее спасения от костра? — спросила я у Даффи, прилипшей к тому, что, судя по пожелтевшим страницам, могло оказаться первым изданием «Гордости и предубеждения».

Хотя маловероятно. Целые библиотеки шли в утиль во время войны, и нынче мало что осталось для благотворительных распродаж. То, что не продадут до конца летнего сезона, в Ночь Гая Фокса* вынесут из подвала приходского зала, свалят на траву и сожгут.

Я склонила голову набок и бросила быстрый взгляд на кучу книг, уже отложенных Даффи: «На санях и лошадях к отверженным сибирским прокаженным»**, «Естественная история» Плиния, «Мученичество человека»*** и первые два тома мемуаров Джакомо Казановы — жуткая мура. Разве что за исключением Плиния, написавшего пару потрясных абзацев о ядах.

Я медленно шла вдоль стола, проводя пальцем по книгам, расставленным корешками вверх: Этель Делл, Э. Делафильд, Уорвик Дипинг****...

Как-то раз я заметила, что фамилии большинства великих отравителей начинались с английской буквы «С», а те-

* 5 ноября — в этот день в Англии празднуют провал Порохового заговора, когда католики-заговорщики планировали взорвать парламент.

** «На санях и лошадях к отверженным сибирским прокаженным» — мемуары английской медсестры Кэт Марсден, которая в 1891 году совершила труднейшее путешествие в Сибирь, где ухаживала за прокаженными.

*** «Мученичество человека» — самый известный труд британского философа и антрополога Уильяма Рида (1838–1875), в котором он излагает историю западной цивилизации.

**** Этель Делл (1881–1939) — английская писательница, автор большого количества низкопробных любовных романов, весьма обожаемых ее неудовлетворенными современницами, но ненавидимых критикой.

Э. Делафильд (1890–1943) — еще одна весьма плодovitая английская писательница, прославившаяся благодаря «Дневнику провинциальной леди».

перь все эти писатели начинаются на «Д». Я опять кое-что нащупала? Некую тайну вселенной?

Я зажмурилась и сосредоточилась: Диккенс... Дойл... Дюма... Достоевский — я видела их всех в то или иное время в руках Даффи.

Сама Даффи собиралась стать писательницей, когда вырастет. С имечком Дафна де Люс у нее не было шансов потерпеть неудачу!

— Дафф! — начала я. — Ни за что не догадаешься...

— Тихо! — рявкнула она. — Я же велела тебе не говорить со мной, когда я читаю.

Моя сестра бывает весьма противной свиньей, когда захочет.

Так было не всегда. Когда я была маленькой, например, и отец рекрутировал Даффи следить, чтобы я молилась на ночь, она научила меня читать молитвы на испорченной латыни, и мы катались на плотно набитых подушках, смеясь до упаду.

Но с годами между моими сестрами и мной что-то изменилось.

Немного обиженная, я потянулась к томику, лежащему наверху стопки, — «Зеркалу для Лондона и Англии». Эта книга, подумала я, понравится Фели, потому что она сходит с ума по зеркалам. Может, я сама ее куплю и сохраню до того маловероятного дня, когда мне может захотеться сделать ей подарок или приношение в знак мира. Случались и более странные вещи.

Листая страницы, я сразу же увидела, что это не роман, а пьеса с именами персонажей и их репликами. Кто-то по имени Адам разговаривал с клоуном:

«...кружка эля без девицы — что ж, увы, все равно что яйцо без соли или копченая селедка без горчицы».

Уорвик Дипинг (1877–1950) — английский романист и автор коротких рассказов, специализировался преимущественно на исторических любовных романах.

Какой прекрасный девиз для кое-кого, подумала я, бросая взгляд туда, где Нед слегка прикасался губами к шее моей сестры, а она делала вид, что не замечает. Не раз я видела, как Нед занимается работой по хозяйству во дворе «Тринадцати селезней» с высокой пивной кружкой, наполненной элем, — а временами еще и рядом с Мэри Стокер, дочерью хозяина. С неожиданным изумлением я осознала, что без эля или женщины поблизости Нед кажется каким-то неполным. Почему я раньше этого не замечала? Возможно, словно доктор Ватсон по радио в «Богемском скандале», временами я смотрю, но не вижу. Это надо осмыслить.

— Твоя работа, полагаю? — внезапно сказала Даффи, отложив одну книгу и взяв другую. Она указала в сторону кучки деревенских жителей, глазевших на дымящиеся руины палатки цыганки. — Там будто написано, что это Флавия де Люс.

— Иди к черту, — заявила я. — Я собиралась помочь тебе отнести твои дурацкие книжонки домой, но теперь будешь переть их на себе.

— О, прекрати! — сказала она, хватая меня за рукав. — Будь добра, воздержись. Струны моего сердца играют «Реквием» Моцарта, и предательская слеза выступила на правом глазу во время нашего разговора.

Я побрела в сторону, беззаботно насвистывая. Разберусь с ее дерзостью позже.

— О! Перестань, Бруки! Мне больно!

Ноющий голос доносился откуда-то со стороны церкви, и если держаться за лотерейный киоском, то можно подслушивать в безопасности. Более того, я, к своему удовольствию, обнаружила, что имею неожиданно хороший обзор сквозь дыру в грубой древесине киоска.

Колин, которого держал за руки Бруки Хейрвуд, приплясывал, словно большая рыбина в очках, толстые стекла косо сидели на носу, грязные светлые волосы всклокочены, крупный влажный рот приоткрыт, словно от нехватки воздуха.

— Уйди, я ничего не делал.

Второй рукой Бруки схватил Колина за заднюю часть мешковатых брюк и повернул лицом к дымящимся остаткам цыганской палатки.

— Кто тогда это сделал, а? — требовательно спросил он, дергаясь всем телом, чтобы подчеркнуть слова. — Где дым, там огонь. Где огонь, там спички. А где спички, там Колин Праут.

— Вот, — сказал Колин, пытаясь запихнуть руку в карман. — Пересчитай! Ты просто сосчитай, Бруки. То же количество, что вчера. Я не использовал ни единой.

Когда Бруки выпустил его, Колин упал на землю, перекатился на живот, залез в карман и достал коробок спичек, помахав им перед своим мучителем.

Бруки поднял голову и принялся, словно в поисках указаний. Грязная кепка и каучуковые сапоги, длинное молескиновое пальто и, несмотря на теплую летнюю погоду, шерстяной шарф, обвивший его бульдожьей шеей, словно алая змея, придавали ему вид крысолова из романа Диккенса.

Не успела я подумать, что делать, как Колин поднялся на ноги, и они оба неторопливо пошли по церковному кладбищу, Колин отряхивался и усердно пожимал плечами, будто ему ни до чего нет дела.

Полагаю, мне следовало бы выйти из-за киоска, признать, что я виновата в пожаре, и потребовать, чтобы Бруки отпустил мальчика. Если бы он отказался, я бы легко могла сбегать за викарием или позвать кого-то из крепких мужчин в пределах слышимости. Но я этого не сделала. По простой причине, которую я осознала с легким холодком: я боюсь Бруки Хейрвуда.

Бруки — отброс общества в Бишоп-Лейси.

— Бруки Хейрвуд? — презрительно фыркнула Фели, когда миссис Мюллет предложила нанять Бруки, чтобы он помогал Доггеру засеивать огород и подстригать изгороди в Букшоу. — Но он же эмигрант на пособии, разве не так?

За наши жизни никто не даст и двух пенсов, если он будет тут шататься.

— Что значит эмигрант на пособии? — спросила я, когда Фели вылетела из кухни.

— Не знаю, детка, — ответила миссис Мюллет. — Его мать — та леди, что рисует в Мальден-Фенвике*.

— Рисует? — переспросила я. — Красит дома?

— Дома? Господь с тобой. Нет, кувшины там всякие. Господь верхом на лошадях. Может, даже когда-нибудь и вас нарисует. Тебя, мисс Офелию и мисс Дафну.

При этих словах я пренебрежительно фыркнула и вылетела из кухни. Если меня соберутся нарисовать маслом, покрыть лаком и поставить в раму, я буду позировать только в лаборатории и ни в каком другом месте.

Окруженная мензурками, стеклянными колпаками и коническими колбами Эрленмейера, я подниму нетерпеливый взгляд от микроскопа, примерно так, как мой покойный двоюродный дедушка Тарквин де Люс на своем портрете, висящем в галерее Букшоу. Как дядя Тар, я приму раздраженный вид. Никаких лошадей и господ, нет уж, спасибо.

Легкая пелена дыма до сих пор висела над церковным кладбищем. Теперь, когда большинство зевак ушли, обугленные, тлеющие остатки палатки были хорошо видны рядом с тропинкой. Но меня интересовало не столько это пепелище, сколько то, что находилось за ним — ярко разрисованный цыганский фургон.

Масляно-желтый, с малиновыми ставнями, речными боками, под нависающей закругленной крышей, он казался буханкой хлеба, вылезшей из формы для выпечки. От веретенообразных желтых колес до изогнутого жестяного дымохода, от цветных окон до затейливых резных деревянных

* Фели, видимо, имела в виду, что Бруки живет за счет матери. Эмигрант на пособии (remittance man) — специальный термин в Англии (теперь устаревший), обозначавший эмигрантов, которые жили на пособие, присылаемое с родины.

консолей по каждую сторону двери, он словно с грохотом выкатился из сна. В довершение всего среди покосившихся надгробий в дальнем конце церковного кладбища живописно пасся дряхлый конь с искривленной спиной.

Цыганская порода. Я узнала ее сразу же по фотографиям, которые видела в «Сельской жизни». Из-за пушистых ног и хвоста и длинной гривы, свешивающейся на морду (из-под которой он жеманно косился, словно Вероника Лейк), жеребец выглядел гибридом клайдесдейла* и единорога.

— Флавия, детка, — раздался голос за моей спиной. Это был Дэнвин Ричардсон, викарий Святого Танкреда. — Доктор Дарби будет тебе очень обязан, если ты сбегашь и принесешь ему кувшин свежего лимонада из кухни.

Мой сердитый взгляд, должно быть, заставил его почувствовать себя виноватым. Почему так, почему с одиннадцатилетними девочками вечно обращаются как со служанками?

— Я бы сам сходил, видишь ли, но добрый доктор опасается, что бедняжку оттолкнет мой пасторский воротник и тому подобное, так что...

— С удовольствием, викарий, — жизнерадостно сказала я, и вполне искренне. Роль носительницы лимонада даст мне доступ в палатку «скорой помощи» Святого Джона.

Я вприпрыжку вбежала в кухню приходского зала («Простите! Медицинская необходимость!»), выскочила с кувшином ледяного лимонада и была уже в тусклом свете госпитальной палатки, наливая напиток в треснувший бокал без ножки.

— Надеюсь, вы в порядке, — сказала я, протягивая его цыганке. — Простите за палатку. Я заплачу, разумеется.

— Ммм, — произнес доктор Дарби. — Нет необходимости. Она уже объяснила, что это был несчастный случай.

Жуткие покрасневшие глаза женщины осторожно наблюдали за мной, пока она пила.

* Порода лошадей-тяжеловозов.

— Доктор Дарби, — сказал викарий, просовывая голову между полотнищами палатки, словно черепаха, и стараясь не показать пасторский воротник. — Найдется у вас минутка? Миссис Пизли на площадке для кегельбана... Говорит, что почувствовала себя плохо.

— Ммм, — отозвался доктор, закрывая свой черный чемоданчик. — Что вам требуется, милая, — сказал он цыганке, — так это хороший отдых. — И обратился ко мне: — Побудь с ней. Я ненадолго. А дождя так и нет, — заметил он в никуда, выходя из палатки.

— Я заплачу за палатку, — повторила я. — Пусть даже это несчастный случай.

Она снова закашлялась, и даже мне было очевидно, что пожар собрал свою дань с ее и без того слабых легких. Я беспомощно ждала, когда она перестанет задыхаться.

Когда, наконец, это произошло, снова повисло долгое нервирующее молчание.

— Женщина, — сказала цыганка. — Женщина на горе. Кто она?

— Это была моя мать, — ответила я. — Ее звали Харриет де Люс.

— А гора?

— Где-то в Тибете, полагаю. Она погибла там десять лет назад. Мы нечасто говорим об этом в Букшоу.

— Что такое «букшоу»?

— Это место, где я живу. Рядом с деревней, — объяснила я, неопределенно махнув рукой.

— А! — сказала она, уставившись на меня пронзительным взглядом. — Большой дом. С двумя крыльями, уходящими назад.

— Да, он, — согласилась я. — Неподалеку от излучины реки.

— Да, — сказала женщина. — Я там останавливалась. Но не знала, как называется место.

Останавливалась там? Я не могла поверить.

— Леди разрешила моему рому и мне разбить лагерь в роще у реки. Ему требовалось отдохнуть...